

Грузовик

грузовик под дождём появляется словно Гренландия
время шторма, расстрельная метеосводка
а в кабине светло, трещит радио
аккуратно работают дворников щётки

договариваюсь о цене
ехать с вечера и до утра
трасса вязкая как цемент
над землёю туманный трал

поначалу водитель глядит недоверчиво
курит Winston, ведёт затяжной монолог
о разбитых дорогах, оставленных женщинах
(на ключах от машины качается всадник-брелок)

водитель материт гаишников и власти
крутит ручку приёмника, пытаюсь найти шансон
пьёт цикорий без сахара из стаканчика пластикового
в сотый раз отмечает – пора поменять колесо

трасса вертит зигзаги, пляшет в разные стороны
грузовик превращается в огненный крейсер
водитель орёт через рокот мотора
запевает жестокую честную песню

он поёт, что смерти бояться не надо
особенно если умирать за Родину или за правду
(хлещет град из космического автомата
по кабине стучат ледяные снаряды)

припев уходит вдаль метеоритом
взгляд водителя становится пронзительным и тяжёлым
частоколом ломается ритм
на фалангах водительских рук имена Илия и Иона

так мы катим сквозь ветер в крошечной ночи
два луча одинокие полосы чертят
замолкает водитель и снова кричит
помни, парень – не надо бояться смерти.

Финансисты

самыми креативными людьми,
с которыми я пересекался в нулевые,
были финансисты.

два совершенно схожих типажа, А. С. и С. А.,
в глазах у каждого
едва заметно тлеет сумасшествие.

в просторном кабинете у С. А.
полифонировал ультрамарином
большой китайский несуразный глобус.

в подчёркнуто измятом пиджаке,
С. А. небрежно сыпал пепел мимо пепельниц,
пил дорогой чрезвычайно горький кофе.

его команду составляли амбициозные краснодипломники,
чьи полированные головы
напоминали о болванах кегельбана.

на столе у С. А. по-птичьи топорщились ворохи схем,
испещрённых крестами и стрелами,
а монитор мерцал, как люк бомбардировщика.

С. А. сжёг кипу фантастических сюжетов,
часть из которых удалось реализовать.
потом СИЗО, условка, бегство за кордон.

А. С., почти неотличимый от ядра,
стремительно катил по коридорам,
смотрел на мир с прищуром, иронично.

поклонник стиля лофт, перфекционист,
в стерильном кабинете-бункере он не терпел излишеств,
за исключением остро отточенных карандашей.

изредка он запирался, включал музыку боя железных шаров,
шелестел фольгой коллекционных виски и сигар,
самозабвенно играл в одиночестве в го.

захватчик чужих территорий, кот-оборотень,
А. С. протащил в корпорацию кучу проектов,
абсолютно мёртвых, нерабочих, по его словам, «проектов будущего».

на повышение А. С. ушёл по чёрной лестнице,
сел в чёрную машину и пропал,
оставив многомиллионные издержки.

эти ребята, А. С. и С. А., видели дальше, чем все остальные,
знали больше,
думали быстрее.

нынешний мир состоит из нулей,
образующих деньги,
виртуальные деньги, реальный мир.

время футуристов кончилось, настало время финансистов,
высокотехнологичных квадрокоптеров,
оставляющих после себя тихий треск кассовых аппаратов.

Убойный цех

В убойном цехе мясокомбината
Работало много народа –

Подвижные громкоголосые
Женщины в синих халатах;

Усатый шофёр автокара,
Спокойный и тихий;

Улыбчивый слесарь Серёга,
Приземисто-цепкий, как краб;

Схожий с индейцем украинец Рома,
Родившийся в Уругвае,
Выросший в Аргентине,
Приехавший в СССР.

Но самым основным мне представлялся
Боец, фамилии которого не помню,
Неразговорчивый, единственный из всех
Ходивший в чёрной, а не в синей робе
(мне было восемнадцать, и казалось,
человек скрывает некую большую тайну).

Он нёс кирпич лица
Невозмутимо, властно, хладнокровно.
Движенья вышколены до автоматизма,
Он задавал единый ритм процессу,
Всегда немой, был малой частью крика
(Убойный цех не замолкал ни на секунду).

С протяжным шумом запускается конвейер,
Грохочет лента,
Поднимается задвижка.
Боец стоит на возвышении и глушит

Электростеком розовых свиней,
Вбивает крючья в окровавленные ноги,
Вздымает туши вверх железной цепью.

Огромный нож вонзается в грудину,
Острее бритвы, вспарывает шею.
Бьёт сквозь решётки дымный кровосток
(Сердца ещё живые, кровь качают).

Хруст позвонков, все головы отдельно.
Вода из шланга мясо оmyвает.
Цепь опускает туши в кипятик,
Бурлящий в ярко-жёлтых чанах.

Визг скребмашины, лезут клочья шерсти.
Хлопок огня, мгновенная опалка.
Стальные клювы, треск горячих шкур,
Ползущих кверху сантиметр за сантиметром.

В прожилках синих мраморная плоть
Готова к операции нутровки.
Блеск стали, развороченное брюхо.
Нутровщики ныряют в жерло туши.
Кишки, желудок, печень льют потоком,
Текут по ленте на переработку.

Тем временем снаружи сотрясают
Большой загон вновь прибывшие жертвы –
Быки пытаются подмять коров,
Олени хлопают мохнатыми глазами,
Свиньи хрипят и роются в навозе,
А лошади – те плачут, видел сам
(Когда они вставали на дыбы,
Над комбинатом словно реял Вагнер).

Чёрный боец здесь отработал вечность,
На лошадех смотрел без интереса,
Ведь даже самые лихие не прорвутся,
Загонщики опустят их на землю.

Так и люди.
Поднимется задвижка, превратятся
В притихших потерявшихся детей,
В старух, блестящих желчными камнями,
В окаменевших беспогонных офицеров.

Ударит тьма,
Взовьются кверху цепи,
Чёрный боец всё сделает как надо,
Потащит обезглавленных на выход,
Где снег такой, что хочется зажмурить
Глаза, которых больше нет.
Смотреть.

Дышать.
Бежать по снегу.
Падать.
Безостановочно
Лететь из тьмы на свет.

Анархия

В доме напротив живёт неприметный мужик,
Из тех, про кого говорят «примелькался».
В вязаной пидорке, надвинутой на глаза,
В задрипанной куртке всегда нараспашку,
Ежевечерне возвращается бухой,
Небрежно загребая снег ботинком.
Высокий, возможно из бывших спортсменов,
Он разговаривает с бабушками у подъезда
Глухим низким голосом, кашляет,
Курит и машет руками.

Пожалуй, мы ровесники. Наверняка он местный,
Вероятно, помнит старый двор,
В котором не было машин,
А было много солнца и деревьев.
Теперь он лишний, пьёт плохое пойло, и лучше
Не доставать его вопросами,
Катиться мимо. Так я думал,
Пока однажды не случился ливень.
Я занырнул под тополь и увидел,
Как этот парень шествует по лужам.

Весь город осаждён потоком молний,
Сжав зубы, закрыв окна, вымокает.
На Трицком проспекте мой сосед –
Единственный прохожий. Счастлив,
Он улыбается и шпарит вдаль.
Словно пират, ступающий на берег,
Отставший от своих бомбометателей,
Укрывший на груди чёрное знамя,
Подросток, не сумевший повзрослеть,
Мужчина, что умрёт быстрее прочих,
В дурацкой куртке уходящий в дождь.

Жизнь чудесна

Не существует границы
Между искусством и всем остальным,
Единственное верное различие –
Деление на живое и на мёртвое.

Бесчисленные чёрные квадраты,
Манифесты от энди уорхолов,
Драгоценные игрушки галеристов –
Неодушевлённые товары.

Жизнь рождается, растёт,
Умирает и преображается,
Как весенняя вода
Или пожар на полотне.

Жизнь вкусна,
Как кумачовые арбузы,
Блики солнца,
Копоть от костра.

Жизнь честна,
Она не терпит философии,
Как картина Репина
О запорожцах.

Вахлаки, изгнанники,
Бандиты, воины – хохочут,
Что им мир, верховный суд потомков,
Полумесяцы и ятаганы.

Сверху небо,
Снизу перегной,
Жизнь неуволима,
Словно сизый дым от люльки.

Крест из камня,
Вольный ветер, чёрный космос –
Жизнь чудесна и неумолима,
А вы говорите «искусство».

К Родине обращаются, разжимая ладони

К Родине обращаются, разжимая ладони,
На которых цветные осколки с кровью.
К Родине обращаются, когда долго идут по дороге,
Бесконечной, ночной и неровной, но с огнями на горизонте.
К Родине обращаются, читая запретные книги,
Ночью, под одеялом, с отцовским фонариком.
К Родине обращаются, когда не хватает чего-то,
Времени или молчания, снега или событий.
К Родине обращаются, сбивая дыхание,
Когда бегут, встают, а в водостоках с крыши – трубы ангелов.
К Родине обращаются, добивая последнюю сигарету,
Когда поздно мечтать, просто очень жаль маму.
К Родине обращаются, целуя детей,
Хороня мертвецов, влюбляясь и идя под пули.
К Родине обращаются, превращаясь в траву и деревья,
Когда сами становятся Родиной.